

ENGAGEMENT
FÜR OPFER
DES NATIONALSOZIALISMUS-
WIR DÜRFEN NICHT VERGESSEN...

**Никто не забудит,
ничто не забыто!**

Люди, судьбы, жизнь...

Со временем все проходит, затягиваются тяжелые раны, отстраиваются разрушенные города, но невинно пролитая кровь, непрожитые жизни тысяч погибших во время Второй мировой войны, нерожденные дети, сгоревшие в огнях пожаров и печах крематориев люди не забудут фашизм никогда.

Каждое новое поколение должно знать чем оборачивается безответственность, безнравственность, жестокость, цинизм в отношении человеческих жизней.

Проект, инициированный Федеральным союзом русскоязычных родителей Германии (BVRE e.V.) при поддержке Фонда «Память, ответственность и будущее» (Stiftung EVZ), затронул глубинные слои памяти тех, кто прошел по дорогам войны, кто свои детские годы вспоминает по письмам родителей и отсчитывает радостными моментами, когда в руки попадала лишняя краюшка хлеба или мерзлая картофелина.

Сегодня уже почти не осталось Ветеранов, побывавших на фронтах Великой войны, но память о них жива в наших сердцах. Дети войны вспоминают своих отцов и матерей, родственников, погибших за нашу мирную жизнь. Победу ковали на фронтах и в окопах, у станков заводов и фабрик, на полях, в концлагерях и госпиталях.

Menschen, Schicksale, Leben...

Mit der Zeit vergeht alles, die schweren Wunden heilen ab, die zerstörten Städte werden aufgebaut, doch das unschuldig vergossene Blut, tausende Gefallenen während des Zweiten Weltkrieges, ungeborene Kinder, lebendig Verbrannte im Feuer der Krematorien vergessen den Faschismus nie.

Jede neue Generation muss wissen, was die Verantwortungslosigkeit, die Grausamkeit, die Sittenlosigkeit und der Zynismus in Bezug auf Menschenleben anrichten können.

Das Projekt „Engagement für Opfer des Nationalsozialismus – Wir dürfen nicht vergessen...“, initiiert vom Bundesverband russischsprachiger Eltern e.V. und gefördert mit Mitteln der Stiftung EVZ „Erinnerung, Verantwortung und Zukunft“ ließ die alten Erinnerungen derjenigen wieder aufleben, die das Kriegsgeschehen auf eigenem Leib erlebten.

Über 70 Jahre später leben nur noch wenige Veteranen, ehemalige Soldaten aus dem Zweiten Weltkrieg, doch die Erinnerung an sie berührt unsere Herzen noch heute. Die Kriegskinder erinnern sich an ihre im Krieg gefallenen Eltern und Verwandte. Der Sieg wurde an der Kriegsfront und in den Schützengräben geschmiedet, an den Fabrikwerkbänken, an den Feldern, in den Konzentrationslagern und Lazaretten.

(Übersetzung aus dem Russischen ins Deutsche: Yulia Grisakov, Projektkoordinatorin)

**ENGAGEMENT
FÜR OPFER
DES NATIONALSOZIALISMUS-
WIR DÜRFEN NICHT VERGESSEN...**

Проект «Никто не забыт, ничто не забыто!» - это проект, направленный на поддержку русскоязычных пожилых людей - жертв нацизма, преодоление их социальной изоляции, сохранение и передачу духовных ценностей людей, переживших ужасы национал-социализма, новым поколениям.

Проект инициирован Союзом русскоязычных родителей Германии (BVRE e.V.), при поддержке Фонда «Память, ответственность и будущее» (Stiftung EVZ), и проводится в 7 городах Германии.

Организации-участники проекта:

- **CLUB DIALOG e.V., Berlin**
- **Deutsch – Russisches Kultur-, Sozial- und Bildungszentrum RODNIK e.V., Fulda**
- **Neue Zeiten – Weiden e.V., Weiden**
- **Deutsch-Russische Kulturschule Elfe e.V., Saarbrücken**
- **Russisch-Deutsches Kulturzentrum e.V., Nürnberg**
- **MOSAİK. Deutsch - Osteuropäisches Integrations- und Kulturzentrum e.V., Aachen**
- **Familienwelt e.V., Köln**

Клара Романенко
Берлин

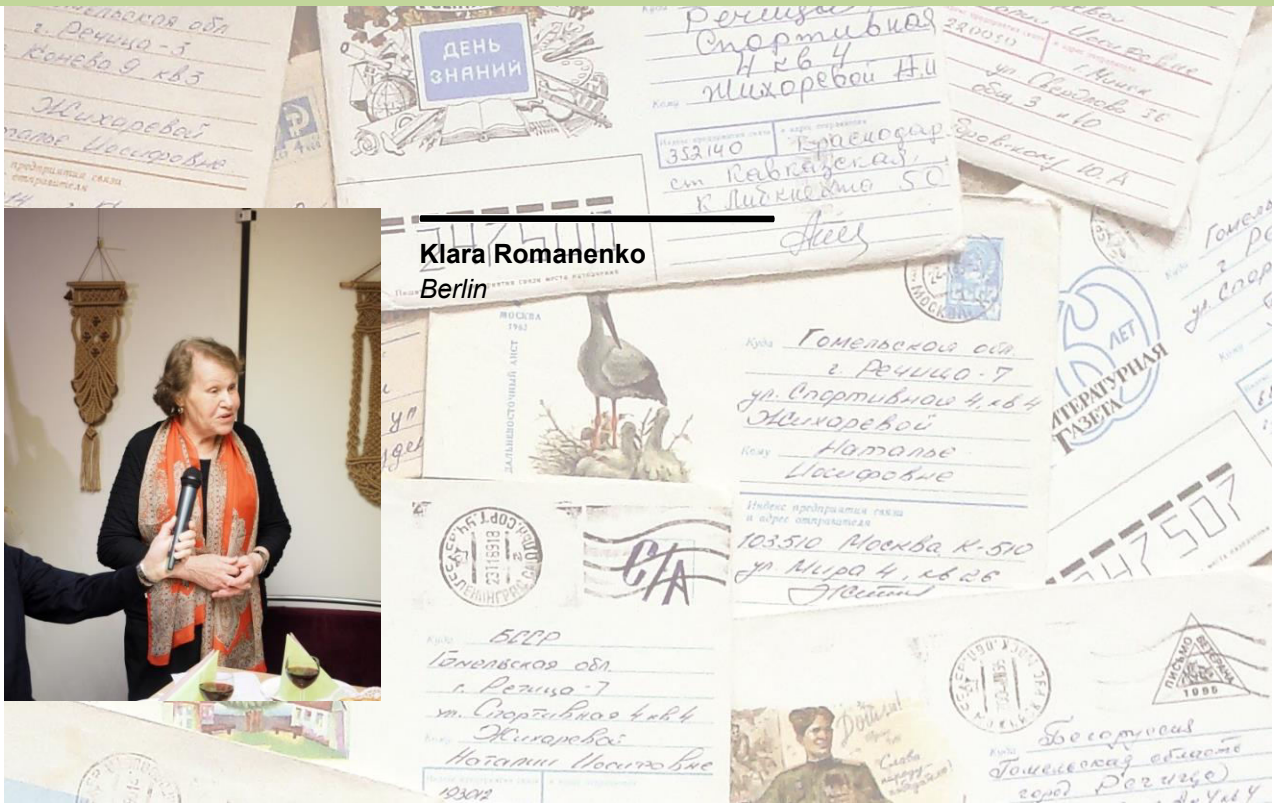
Детство и юность, военные годы

Я родилась 30 мая 1926 года в семье учителей, в городе Волноваха Донецкой (тогда Сталино) области. Отец мой, Попов Федор Георгиевич и мама, Попова Полина Семеновна. В 1937 году, 12 апреля, моя мама трагически умерла и я с младшим братом остались без матери... Отец мой много работал и отправил нас к своим родителям в г. Мариуполь. В Мариуполе я пошла в школу, к отцу ездила очень часто поездом («Рабочий») на выходные дни и праздники... В 1939 году у нас с братом появилась мачеха. В это время я чувствовала себя очень несчастливой девочкой... В 1941 году началась война и нас, учеников, отправляли на уборку урожая, а старший, 10-й класс – рыть окопы для защиты города... Я была в отряде по уборке урожая самая маленькая, поскольку пошла в школу с шести лет. В один из дней, я заболела ангиной и меня на грузовой машине привезли в Волноваху к отцу. Дома никого не оказалось, хотя двери были открыты. Соседка сказала мне, что папа и мачеха на вокзале, но, возможно, еще не уехали... Папа мой был назначен зам.начальника госпиталя (раненых еще не было) и госпиталь должен отправляться, но куда, соседка не знала. Сказала, только: «Беги на вокзал!». Я побежала на вокзал, но состава уже не было. Там я встретила одну женщину, которая провожала этот состав и видела, что он был полностью оборудован для приема раненых. Мы пошли с ней к начальнику станции и он сказал, что поезд будет, скорее всего, ехать на Ростов, а там будет видно куда дальше. Женщина повела меня к машинистам и сказала им: «Возьмите девочку, у нее нет денег и она отстала от состава, в котором госпиталь, ей надо ехать на Ростов». Они взяли меня к себе в паровоз. Только мы отъехали от станции, как там уже была военная тревога и нужно было ехать как можно быстрее, а если сообщат, что нужно оставить состав, то тогда – бежать в поле и ложиться на землю в посадках или огородах, что мы и делали на протяжении всей дороги. От состава осталось несколько вагонов и они были груженными всяким оборудованием. В Ростове машинисту сказали, что состав с госпиталем двинулся на Баку или Тбилиси, они точно не знают. Меня высадили и машинист сказал дежурному, что я отстала и чтобы меня посадили в поезд, который будет туда ехать, потому, что у меня там отец в составе поезда-госпиталя и что у меня нет денег на еду и одежду и чтобы он это учитывал и помог... Ночью дежурный посадил меня снова в паровоз и я поехала догонять отца. Здесь, на нашем

пути бомбежек еще не было и мы спокойно доехали до станции Баку. Оттуда меня взяли еще в один паровоз, который ехал в Тбилиси. В Тбилиси, машинисту сказали, что поезд-госпиталь отправлен в Ереван, где уже будет ожидать раненых... Вид и состояние у меня были неважными, но уже была надежда... Машинист сказал мне, что если мы не найдем папу, он сдаст меня в детприемник на вокзале... В Ереване все сложилось удачно. Госпиталь № 3408 прибыл и находится там-то и там... Меня передали на вокзале дежурной медсестре, она позвонила куда-то и за мной приехала машина. Так я встретилась с отцом. Я думала, что мои «приключения» закончились, но это было только начало... В школу я пошла снова только в конце 1-й четверти и вместо 9-го класса меня посадили в 8-й класс, так как я пропустила первую четверть...

Многие люди тогда стремились пойти добровольцами в Армию и попасть на фронт, защищать Родину. Мой отец также предпринимал несколько попыток. Жил он прямо в госпитале, а моя мачеха, с двумя маленькими детьми, в школе, в большой комнате-классе, где жили еще две семьи. В школе, ученики старших классов (все девочки) учились на курсах медсестер, а мальчики занимались военной подготовкой. Занятия проходили после уроков. Наступил 1942 год. В апреле месяце был объявлен «Первый призыв девушек комсомолок» в армию. Желающих было много, особенно из девушек, прибывших в Армению из других республик. Я, вместе с другими девочками, пошла в военкомат и взяла там анкету. В анкете написала год рождения 1923. Документов у меня не было. Меня записали, приняв моё заявление. Всех, кто записался, собрали в военкомате на мед.комиссию. Я прошла комиссию, никто серьезно не докапывался до деталей и не смотрел на меня. Хочет – , пожалуйста, это первый призыв...

Вот тут уже началась для меня другая, серьезная жизнь. Ведь обо мне даже никто и не волновался. Отец дома не жил и тоже был отправлен на подготовку, куда, мачеха не знала. Все девушки прошли карантин, потом мы получили назначения. Я – на батарею санинструктором. Жили в землянках. Учились, осваивали еще одну профессию связисток. Время шло. Батарея оставалась, а всех девушек пришло время отправки на фронт. Меня перевели в штаб тыла, в госпиталь. Я плакала, хотела на фронт. Но меня никто не хотел слушать и я осталась работать в госпитале. В госпиталь прибывали раненые со Сталинградской битвы, очень тяжелые больные. Но это еще не все. Этот госпиталь отправили ближе к фронту. Меня и еще нескольких девочек с плохим здоровьем оставили здесь и перевели нас на положение вольнонаемных. Так, я и другие, были направлены в военкомат и получили другой статус. Все было и хорошо и плохо. Работали мы и день и ночь, поступающие больные были очень тяжелые, госпиталь назывался протезным. Моя жизнь усложнилась. Все меня жалели и от этого я чувствовала себя еще хуже. Окружение было очень хорошее. Люди были добрыми и мне посоветовали идти учиться. Одна семья взяла меня к себе (у них была дочь, такая как я по возрасту) она закончила школу и собиралась поступать в педагогический институт. Я продолжала работать в госпитале, но уже была в хорошей семье. Отец мой в это время добился в конце концов призыва в армию, хоть и не прямо на фронт, но был послан с военными частями в Иран. Большего я ничего и не знала. Отец мой демобилизовался уже после окончания войны. Я готовилась поступать в институт и параллельно работала в госпитале. Мне многие помогали, я сдала экзамены по языку и литературе за 9-10 классы и экзамены для поступления в институт. В этой семье Коваленко Анны Прокофьевны и Коваленко Алексея Ивановича я прожила до 1945 года, до окончания войны. После освобождения Украины я приезжала в Мариуполь только на каникулы. Дальше, моё детство и юность закончились... Закончив институт, я стала работать учителем. Мой стаж работы по специальности 30 лет... В 1992 году я с семьей приехала на постоянное место жительства в Германию... Мой муж умер в 2014 году... С ним я прожила 65 лет. Если доживу, 30 мая 2017 года мне будет 90 лет...

Kindheit und Jugend, die Kriegsjahre

Ich wurde am 30. Mai im Jahr 1926 in einer Lehrerfamilie in der Stadt Wolnowacha des Kreises Donezk geboren. Meine Eltern waren Fedor Popov und Polina Popova. Meine Mutter verstarb im Jahr 1927 unter tragischen Umständen. Weil mein Vater viel gearbeitet hat, schickte er meinen Bruder und mich zu seinen Eltern (meinen Großeltern) nach Mariupol. Dort ging ich zur Schule. Sehr oft fuhr ich am Wochenende und an den Feiertagen mit dem Zug „Rabotschij“ zu meinem Vater. Im Jahr 1939 lernten mein Bruder und ich unsere Stiefmutter kennen. Zu dieser Zeit fühlte ich mich sehr unglücklich. Im Jahr 1941 brach der Krieg aus und alle Schüler wurden regelmäßig in Gruppen zur Ernte und in den Schützengraben geschickt. In der Arbeitsgruppe für die Ernte war ich die jüngste, da ich bereits mit 6 Jahren zur Schule ging. Eines Tages wurde ich sehr krank und man schickte mich mit einem Lastkraftwagen zu meinem Vater nach Wolnowacha. Es war niemand Zuhause, obwohl alle Türen offen standen. Von der Nachbarin erfuhr ich, dass mein Vater und meine Stiefmutter zum Bahnhof gefahren sind und noch am Bahnhof sein könnten. Mein Vater wurde zum Stellvertreter des Hospitalleiters berufen und der Zug mit dem Hospital sollte wegfahren, jedoch wusste die Nachbarin nicht wohin. Ich lief zum Bahnhof, doch der Zug war bereits weg. Dort begegnete ich einer Dame, die den Zug verabschiedete und sah, dass dieser für die Behandlung der Verwundeten ausgestattet war. Wir erfuhren vom Bahnhofsfleiter, dass der Hospitalzug sehr wahrscheinlich in Richtung Rostov abfuhr und von dort aus würde es sich noch zeigen, wohin die Reise für den Zug weitergeht. Die Dame brachte mich zu den Zugbegleitern und bat diese um folgendes: „Bitte nehmen Sie das Mädchen mit, es hat kein Geld und hat den Hospitalzug verpasst. Es muss nach Rostov fahren“. Die Männer nahmen mich mit auf die Lokomotive. Als wir gerade den Bahnhof verlassen haben, wurde der Alarm ausgelöst und wir mussten so schnell fahren wie es nur ging. Bei jedem Befehl den Zug zu verlassen, mussten wir auf das Feld laufen und uns auf den Boden hinlegen, bestenfalls hinter Büschen verstecken. Es passierte immer wieder auf dem Weg nach Rostov. Dort wusste keiner genau, in welche Richtung der Hospitalzug gefahren ist, es könnte nach Tbilisi sein, oder Baku. Nachts fuhr ich mit einer anderen Lokomotive los, einen noch ruhigen Weg entlang nach Baku. Von Baku aus ging es mit einem

anderen Zug nach Tbilisi und von dort aus nach Jerewan, wo der Hospitalzug auf die Verwundeten warten sollte. Mein Zustand war nicht der beste, jedoch ergab sich endlich einen Funken Hoffnung. In Jerewan landete ich fast im Kinderheim. Zum Glück bekamen wir genaue Informationen und eine Krankenschwester sorgte dafür, dass ich abgeholt und zu meinem Vater gebracht werden konnte. Als ich auf meinen Vater traf, dachte ich, mein „Abenteuer“ wäre zu Ende, doch es war lange nicht der Fall, das sollte erst der Anfang sein.

Viele Menschen versuchten damals einen Freiwilligendienst an der Front zu leisten, um das Heimatland zu schützen. Mein Vater war keine Ausnahme. Er lebte direkt im Hospital und meine Stiefmutter mit ihren zwei Kindern in einem Großraum einer Schule, in dem noch zwei weitere Familien waren. Alle Schülerinnen der höheren Stufen besuchten Krankenschwesterschulungen und die Jungs machten eine militärische Ausbildung. Die Übungen fanden nach der Schule statt. Im Jahr 1942 kam der erste Aufruf der „Komsomolmädchen“ in die Armee. Es gab sehr viele Freiwillige, vor allem viele Mädchen, die aus Armenien und anderen Republiken stammten. Wir füllten in einem Rekrutierungsbüro den Fragebogen aus. Ich gab das Jahr 1923 als meinen Geburtsjahr an, ich hatte ja keine Papiere gehabt. So wurde ich aufgenommen. Einen Gesundheitscheck bestand ich erfolgreich, da keiner besonders auf die Details achtete. Es hieß: „Wenn sie unbedingt will, dann soll sie auch.“ Es war der erste Aufruf.

Ab jetzt begann ein ganz anderes, ernstes Leben. Keiner sorgte sich mehr um mich. Wohin mein Vater zu den Vorbereitungen geschickt wurde, wusste meine Stiefmutter nicht. Und so wurde mir ein Dienst bei einer Batterie als Sanitäter zugeteilt. Wir lebten in den Erdhütten und erlernten einen weiteren Beruf als Funker. Nach einiger Zeit wurden alle Mädchen an die Front geschickt und ich nicht, trotz meines Weinens, an die Front zu kommen. Ich wurde im rückwärtigen Armeegebiet im Hospital gelassen. Dort kamen verwundete Soldaten des Kampfes in Stalingrad an, Patienten mit sehr schweren Verletzungen. Später wurde unser „prothetisches“ Hospital näher an die Front gerückt. Und Mädchen mit einer schlechten Gesundheit - unter anderem auch ich - bekamen einen neuen Status des Zivilangestellten. Wir arbeiteten Tag und Nacht, die Patienten waren in einem sehr schlechten Zustand. Mein Leben hat sich erschwert. Alle um mich herum hatten Mitleid mit mir, wodurch ich mich noch schlimmer fühlte. Man hat mir geraten, eine Weiterbildung zu machen. Ich wurde von einer sehr netten Familie aufgenommen, bei der ich parallel zum Dienst im Hospital die Schule beendete. Meinen Vater erreichte endlich der Aufruf zur Armee und er wurde nach Iran geschickt. Mehr habe ich nicht gewusst. Ich bereitete mich auf die Aufnahmeprüfungen für eine Universität vor. Mithilfe vieler Menschen habe ich die Sprach- und Literaturprüfungen der Klassen 9-10 sowie die Aufnahmeprüfungen bestanden. In der Patenfamilie von Kovalenko Anna und Aleksej lebte ich bis Kriegsende 1945. Nach der Rückeroberung der Ukraine besuchte ich Mariupol nur in den Ferien.

So endete meine Kindheit und Jugend. Nach dem Universitätsabschluss arbeitete ich als Lehrerin 30 Jahre lang. Im Jahr 1992 wanderten meine Familie und ich nach Deutschland aus. Mein Mann verstarb im Jahr 2014... Wir verbrachten 65 Jahre zusammen. Falls ich bis zum 30. Mai 2016 noch lebe, werde ich 90 Jahre alt.

Как Лорка была спасена.

История спасения еврейского ребенка Лоры Гервинцевой (в замужестве Моргун) выглядит как детектив. В начале войны ей было четыре года (родилась 15 февраля 1937 года). Семья жила в Днепропетровске (Украина) по улице Кооперативная, 45. Папа, еврей, Исаак Ильич Гервинцевский работал газосварщиком. Мама, украинка, Александра Иосифовна Чиркун, трудилась на бактериологическом заводе.

Обманули полицаев

В первые дни войны отца-коммуниста забрали в армию. С приходом оккупантов в конце августа 1941 г. в городе начались аресты евреев и коммунистов. Во время облавы люди плакали, полицаи кричали, собаки лаяли. Лора в страхе пряталась под кровать. Мама ей говорила: «Лёпочка, чуть дыши, чтоб тебя не слышно было».

Но вскоре пришла и их очередь. Оккупантам стало известно, кто ее отец. В их квартиру вломилась полиция: «Где тут живет семья еврейского коммуниста?». Мать не растерялась и указала на закрытую дверь соседней квартиры (оттуда выехали в эвакуацию соседи-евреи). «Они уехали», - побледнев от волнения, произнесла она. Полицаи ушли. Они приходили именно за ними, но маме удалось обмануть гитлеровцев. Мама с Лорой, в чем были, отправились ночью на другой конец города к маминой сестре Даше.

Немецкий лазарет № 902

Тетя жила на территории городской больницы имени Мечникова. В годы оккупации там размещался немецкий лазарет. Добрая тетя приютила сестру с ребенком в своей комнате. Лазарет

был закрытой территорией. Всех, кто на этой территории проживал, оккупанты заставляли работать санитарями. Александра Иосифовна стала санитаркой в хирургическом отделении, где оперировал главный врач лазарета доктор Геринг.

Лора оставалась дома вместе с тетей Дашей. Мама хорошо запоминала немецкие слова, старательно выполняла порученную работу. Доктор Геринг заметил ее старание. Однажды он вызвал женщину к себе в кабинет и сказал: «У тебя есть дочь от еврейского коммуниста. На тебя написан донос в гестапо».

В психиатрическом отделении имелась котельная, где работал дед Устин. Он взял дитя к себе. Дело было летом, котельная не работала. Днем девочка сидела... в котле. Ночью дед выпускал подышать ее свежим воздухом. Но долго находиться в котельной было нельзя. Мама прятала дочь то у одних людей, то у других. Александру Иосифовну заставляли приходить в гестапо, подписывать бумагу, что она работает в лазарете, а ребенок находится в городе. Русский полицейский сказал ей: «А думаешь, мы не знаем, что ты прячешь дочку?».

Наступил 1943 год. Оккупанты отступали. Вечером в дверь комнаты постучали. «Ну, дочка, это, наверное, конец. За нами пришли», - прошептала мать и открыла дверь. На пороге стоял доктор Геринг. «Немедленно спрячь дочь!» - произнес он и исчез.

Мама тут же связалась с подпольщиком-коммунистом Адольфом (она доставала для подпольщиков медикаменты, перевязочные средства, простыни). «Не волнуйся. Мы тебя не бросим. Доставим в надежное место», - сказал Адольф.

Надежное плечо деда

Подпольщики свое слово сдержали: переправили мать и дочь через Днепр. Они шли пешком до железнодорожной станции «Малое Синельниково», где жил мамин отец – дед Иосиф. «Ничего, Шура, сховаем твою доньку», - заверил он дочь. Мама вернулась в Днепропетровск.

Дед сделал сундук, где было два дна и дырки для воздуха. В случае опасности Лора ложилась в сундук, а сверху насыпали зерно. Иногда находилась там по три-четыре часа.

Через некоторое время соседи заявили: «Мы знаем, что ты прячешь Лорку. Придут немцы – мы выдадим!» На следующий день дед рано утром посадил ее в тачку и повез в Большое Синельниково, где жил его сын, мамин брат Гриша. «Ну, шо, Гриша, бери Лору и ховай», - с этими словами дед передал внучку сыну.

Дядя Гриша жил в недостроенном новом доме. В жилой половине размещались дядя с женой и Лора, а другая пустовала. То и дело налетали советские самолеты и бомбили станцию, железнодорожные пути и поселок. В один из дней вечером советская авиация снова их бомбила. Лора на всю жизнь запомнила противный вой бомбы и истошный крик дяди: «Марфуша, ложись!!!». Взрывом разнесло недостроенную часть дома. Но все остались живы.

После войны Лора Гервинецкая окончила Днепропетровский государственный университет. Получила специальность микробиолога и 45 лет преподавала в медицинском институте (ныне медицинская академия).

В 1959 году вышла замуж за Виталия Николаевича Моргуна. Родила двух дочек. Муж умер в 1997 году. Работая в лаборатории с вредными для здоровья материалами Лариса подорвала здоровье и тяжело заболела.

С 2002 года Лариса Исааковна живет в Германии. Здесь ей оказывают необходимую медицинскую помощь.

- Я считаю себя счастливым человеком, - говорит Лариса Моргун.

Обе ее дочери, Оксана и Виктория с семьями, остались в Днепропетровске. У Ларисы Исааковны три внуки, два правнука и правнучка. Она каждый год ездит в Украину.

- Я мечтаю найти родных доктора Геринга и низко поклониться им за мою спасенную жизнь, - сказала в заключение Лариса Исааковна.

Wie Ljoka gerettet wurde.

Die Geschichte der Rettung des jüdischen Kindes Lora (Larissa) Gerwinezkaja (verheiratete Morgun) sieht wie ein Krimi aus. Zu Kriegsbeginn war sie vier Jahre alt (geboren am 15. Februar 1937). Die Familie wohnte in Dnepropetrowsk (Ukraine), Kooperatiwnaja Straße 45. Der Vater Issaak Iljitsch Gerwinezki, ein Jude, arbeitete als Gasschweißer. Die Mutter Alexandra Iossifowna Tschirkun, eine Ukrainerin, war in einem bakteriologischen Werk tätig.

Sie täuschten die Polizisten

In den ersten Kriegstagen wurde der Vater, ein Kommunist, zur Armee eingezogen. Mit dem Einmarsch der Besatzer, Ende August 1941, begannen die Verhaftungen von Juden und Kommunisten. Während der Razzien weinten die Menschen, brüllten die Polizisten, bellten die Hunde. Lora versteckte sich vor Angst unterm Bett. Die Mutter sagte zu ihr: „Ljokotschka, atme nur ein ganz bisschen, damit dich keiner hört“.

Aber es dauerte nicht lange - da kam auch die Familie Gerwinezki an die Reihe. Die Besatzer erfuhren, wer ihr Vater war. Polizisten drangen in ihr Haus ein: „Wo wohnt hier die Familie des jüdischen Kommunisten?“. Die Mutter behielt klaren Kopf und verwies auf die verschlossene Tür der Nachbarswohnung. Bleich vor Aufregung sagte sie: „Sie sind weggefahren“. Die Polizisten zogen ab. Sie kamen ihretwegen, aber die Mutter schaffte es, die Hitlers Soldaten zu täuschen. Sofort machten sich die Mutter und Lora in der Nacht auf den Weg zum anderen Ende der Stadt, zu Mutters Schwester Dascha.

Das deutsche Lazarett Nr. 902

Die Tante wohnte auf dem Gelände des städtischen Metschnikow- Krankenhauses. In den Jahren der Besatzung war hier ein deutsches Lazarett. Die gute Tante nahm ihre Schwester mit dem Kind in ihrem

Zimmer auf. Das Lazarett war ein geschlossenes Gelände. Die Besatzer zwangen alle, die auf diesem Gelände wohnten, als Sanitäter zu arbeiten. Alexandra lossifowna wurde Sanitäterin in der chirurgischen Abteilung, wo der Chefarzt des Lazaretts, Doktor Göhring, operierte.

Lora blieb mit ihrer Tante zu Hause. Die Mutter lernte sehr schnell Deutsch und erfüllte fleißig die ihr übertragene Arbeit. Doktor Göhring sah, dass sie sich Mühe gab. Einmal rief er die Frau in sein Dienstzimmer und sagte: „Du hast eine Tochter von einem jüdischen Kommunist. Bei der Gestapo liegt eine Denunziation gegen dich vor“.

In der Abteilung der Psychiatrie gab es einen Heizungskeller, in dem Großvater Ustin arbeitete. Er nahm das Kind zu sich. Es war Sommer, die Heizung war außer Betrieb. Tagsüber hockte das Mädchen ... im Heizungskessel. Nachts ließ der Großvater sie raus, um frische Luft zu schnappen. Aber lange konnte sie sich nicht in dem Heizungskeller aufhalten. Die Mutter versteckte die Tochter mal bei einer Familie, mal bei der anderen. Alexandra lossifowna wurde zur Gestapo vorgeladen und musste ein Papier unterschreiben, dass sie im Lazarett arbeitete und das Kind sich in der Stadt befand. Der russische Polizist sagte zu ihr: „Denkst du, wir wissen nicht, dass du deine Tochter versteckst?“.

Das Jahr 1943 brach an. Die Besatzer waren dabei, sich zurückzuziehen. Am Abend klopfte es an der Tür. „Na, Tochter, das ist wohl das Ende. Sie kommen, um uns zu holen“, flüsterte die Mutter und öffnete die Tür. Auf der Schwelle stand Doktor Göhring. „Versteckt sofort die Tochter“, sagte er und verschwand.

Die Mutter nahm sofort die Verbindung zu dem illegalen Kommunisten Adolf auf (sie beschaffte Medikamente, Verbandsmaterial und Laken für die Illegalen). „Reg dich nicht auf. Wir lassen dich nicht im Stich. Wir schaffen dich an einen sicheren Ort“, sagte Adolf.

Großvaters bewährte Schulter

Die Illegalen hielten Wort und brachten Mutter und ihre Tochter über den Dnepr. Sie liefen zu Fuß bis zur Bahnstation Maloje Sinelnikowo, wo Mutters Vater, Großvater lossif wohnte. „Macht nichts, Schura, wir verstecken deine Tochter“, versicherte er seiner Tochter. Die Mutter kehrte nach Dnepropetrowsk zurück.

Der Großvater zimmerte eine Truhe mit zwei Böden und Luftlöchern zusammen. Wenn Gefahr in Verzug war, legte sich Lora in die Truhe und darüber wurde Getreide gestreut. Manchmal blieb sie drei-vier Stunden darin. Einige Zeit später sagten die Nachbarn: „Wir wissen dass du Lora versteckst. Wenn die Deutschen kommen, melden wir das...“

Am nächsten Tag setzte sie der Großvater morgen früh in eine Karre und brachte sie nach Bolschoje Sinelnikowo, wo sein Sohn wohnte, Mutters Bruder Grischa. „Also, Grischa, nimm Lora und versteck sie“, mit diesen Worten übergab der Großvater die Enkelin seinem Sohn.

Onkel Grischa wohnte in einem noch nicht fertig gebauten neuen Haus. In der Hälfte, die schon bewohnbar war, lebten der Onkel mit seiner Frau und Lora. Die andere Hälfte stand leer. Hin und wieder kamen sowjetische Flugzeuge und bombardierten die Station, die Bahnschienen und die Siedlung. An einem Abend wurden sie wieder einmal von sowjetischen Flugzeugen bombardiert. Lora wird das widerwärtige Geheul der Bombe und den wahnsinnigen Schrei des Onkels „Marfa, hinlegen!!!“ nie vergessen. Die Explosion riss den unfertigen Teil des Hauses hinweg. Aber alle sind am Leben geblieben.

Nach dem Krieg studierte Lora Gerwinezkaja an der Staatlichen Universität Dnepropetrowsk. Sie wurde Mikrobiologin und unterrichtete 45 Jahre am Medizinischen Institut (heute Medizinische Akademie).

1959 heiratete sie Witali Nikolaewitsch Morgun. Sie brachte zwei Töchter zur Welt. Ihr Ehemann starb im Jahre 1997. Die Arbeit im Labor mit gesundheitsschädigenden Substanzen machte Lora Morgun schwer krank.

Seit 2002 lebt sie in Deutschland. Hier erhält sie die notwendige medizinische Hilfe.

„Ich bin ein glücklicher Mensch“, sagt Lora Morgun.

Ihre beiden Töchter, Oxana und Viktorija, sind mit ihren Familien in Dnepropetrowsk geblieben. Lora Issaakowna hat drei Enkelinnen, zwei Urenkel und eine Urenkelin. Sie reist jedes Jahr in die Ukraine.

„Ich träume davon, die Angehörigen von Doktor Göhring zu finden und mich für mein gerettetes Leben tief vor ihnen zu verneigen“, sagte Lora Gerwinezkaja (Larissa Morgun) zum Schluss.

**Иосиф Винокур
Саарбрюкен**

*«Человек может умереть, человека можно убить,
но человека нельзя победить»
Эрнст Хемингуэй*

Иосиф Абрамович 1923 года рождения! И несмотря на это, он моложе многих моих ровесников. Мне часто приходилось слышать от молодых людей о потере смысла, о том, как скучно и неинтересно жить. Да что и говорить: мысли о «тщетности бытия» и меня саму не раз настигали до этой важной для меня встречи.

У Иосифа есть очень важный девиз, о котором он рассказал так:

«Не так давно я попал в аварию. Сбила меня на машине одна француженка. А когда я лежал в больнице, мне сказали, что если я умру, француженку посадят в тюрьму. А я подумал: «Красивая такая девушка, жалко». И сказал себе: надо жить! Принял такое решение».

Он так и идет по жизни с этим решением и, что бы не происходило, каждое утро он принимает решение жить.

Родился Иосиф в 1923 году в городе Золотоноше на Украине. В то время в Украине под руководством Петлюры уничтожали евреев. И родителям удалось тайно увезти маленького Иосифа в Петербург, чтобы сохранить ему жизнь. И так прожил он там до семидесяти лет.

«Я был еще юношей, мне было всего 70, когда переехал в Германию. Вся моя творческая жизнь прошла в Ленинграде. Я остался один и сейчас мне очень больно вспоминать об этом».

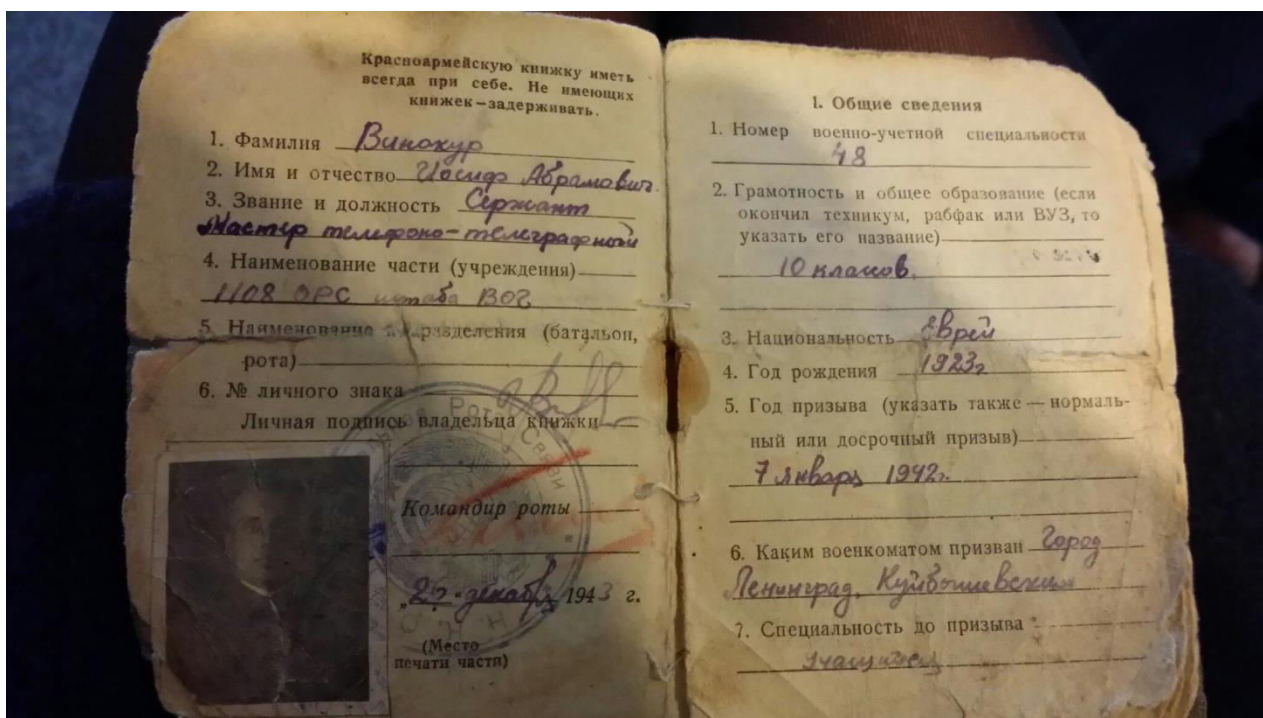
В молодости Иосиф занимал первые места в Петербурге по лыжному спорту, получил первый

разряд по спортивным снарядам. А в 15 лет он обнаружил в себе талант актера и с гордостью рассказывает о том, как впервые выступил на сцене:

«Первый раз я выступил в 15 лет на вечере в школе. На сцене рассказывал птицу-тройку из поэмы Гоголя «Мертвые Души». «Какой же русский не любит быстрой езды...». Я с большим воодушевлением прочел эти строки. И тогда я почувствовал, что ко мне девушки относятся иначе. В те времена влюблялся я постоянно и безнадежно. Правда, никому этого не говорил, но всю свою жизнь я влюблялся».

При том что, как говорит Иосиф, влюблялся он часто, в его жизни была настоящая любовь. Ее звали Наденька, медсестра в его полку. Наденьке он посвятил один из своих рассказов «Осада города Нарнии», который он начинает со строк Шекспира «Всесилен Бог любви». Там так трогательно и так нежно он рассказывает о своих безответных чувствах. О том, как пошел на выполнение смертельного задания, только лишь бы она его заметила. И она заметила... Наденька взорвалась на следующий день после их первого и последнего поцелуя...

Как бы хотелось, чтобы мужчин воспитывали на таких ценностях. Когда во имя женщины совершаются подвиги, даже без надежды на то, чтобы быть вместе. Когда к женщине относятся с таким трепетом и теплом, желая защищать и оберегать ее от невзгод.

Да, война причинила много страданий. В сорок втором году Иосиф потерял всю свою семью: маму, папу и горячо любимого брата. И это далеко не всё, что пришлось пережить в те страшные годы.

На мой вопрос о том, как и когда он услышал о том, что началась война, он ответил:

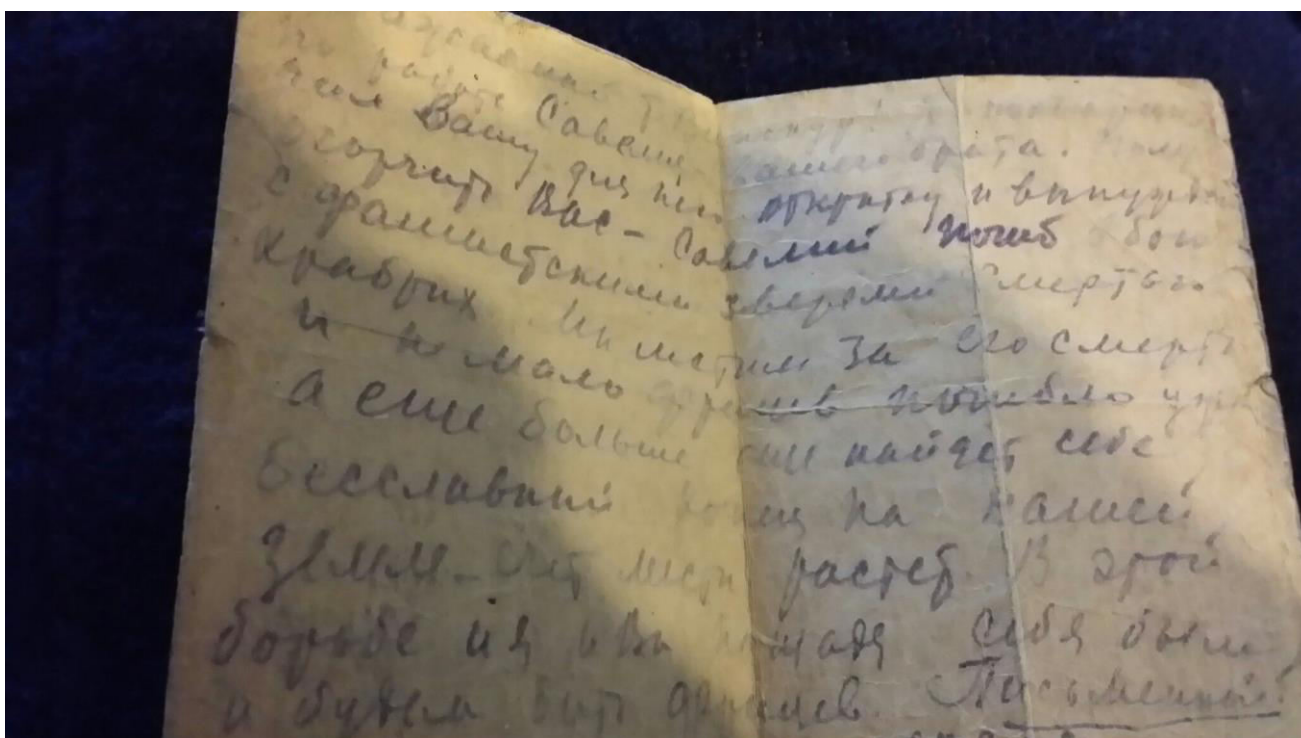
«Мы жили в Петергофе. Я этот день хорошо помню. У нас был один велосипед на всю улицу. Утром 22 июня я сел на него и поехал купаться: недалеко от дома был водоем. Как только прыгнул в воду, я услышал речь Молотова «...Сегодня,

в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну...». Стало ясно, что началась война. За первые дни были уничтожены три аэродрома в Петергофе. Мы это видели. И тогда я по-настоящему почувствовал страх перед чем-то ужасным».

Дальнейшую историю о том, что случилось в первый год войны, Иосиф описал в одном из своих видео-рассказов под названием «Истребительный отряд». Этот и другие рассказы сейчас можно найти на сайте:

https://vk.com/id86159295?z=video86159295_147359013%2Fvideos86159295%2Fpl_86159295_-2.

Мурашки по коже и ком в горле от слез, когда слышишь подобные истории не от актера и даже не просто от писателя, а от самого участника этих событий.

После войны Иосиф получил высшее экономическое образование, окончил аспирантуру, долгое время работал на секретном заводе. Одному Богу известно, чего ему все это стоило, будучи этническим евреем в СССР.

Иосиф смог полюбить и во второй раз, но и на этот раз у судьбы были свои планы. В восьмидесятых годах его обожаемый сын срывается с горы. Он похоронен в Петербурге.

С горем не справилась его жена и пыталась покончить жизнь самоубийством, после чего долго лечилась в клинике и была отправлена на реабилитацию в Америку. Иосиф не смог в то время поехать вместе с ней, так как на его руках была лежащая мама, за которой он ухаживал долгие годы.

А сегодня Иосиф уже двадцать лет ухаживает за своей второй женой, которая также не может ходить после инсульта.

Вот такая не простая судьба у этого чудесного человека. Удивительно, как при всем этом он сохранил такое стремление жить, творить, создавать! А еще потрясает, как в нем осталось такое чувство юмора, от которого смеешься в голос.

«Говорят, что мне 93 года! – и кто такое сказал? Какая великая неожиданность! Я думал, что я проживу еще как минимум лет 70 и все успею.

Его единственное желание - быть полезным и чтобы его труды не пропали даром. Чтобы те книги, которые он пишет, даже находясь в больнице, обрели свою жизнь и были опубликованы.

Iosif Vinokur
Saarbrücken

*„Man kann vernichtet werden, aber man darf nicht aufgeben.“
Ernest Hemingway*

Iosif Abramovich, geboren im Jahre 1923! Nichts desto trotz ist er viel jünger als einige in meinem Alter. Oft höre ich von den jungen Leuten, wie langweilig und uninteressant doch das Leben sei. Ach, was soll ich sagen, auch mich verfolgten mehr als einmal die Gedanken über die „Nutzlosigkeit des Seins“, auch vor diesem wichtigen Treffen mit Iosif.

Iosif hat ein Motto, ja eine Lebenseinstellung:

„Vor kurzem hatte ich einen Unfall. Ich wurde von einem Auto angefahren. Am Steuer saß eine junge Französin. Als ich deswegen im Krankenhaus lag und mir gesagt wurde, dass die Französin womöglich ins Gefängnis kommt, wenn ich sterbe, dachte ich: So eine hübsche Französin. Es wäre doch schade drum. Nein! Ich darf nicht sterben. Ich muss weiterleben.“

So lebt er mit dieser Einstellung, egal wie es kommt, beginnt er seinen Tag mit dem Entschluss, weiterzuleben.

Geboren wurde Iosif 1923 in Solotonoscha/ Ukraine. In der Zeit verfolgte und vernichtete der damalige Ataman Petljura die jüdische Bevölkerung in der Ukraine. Die Eltern von Iosif konnten heimlich nach Petersburg fliehen und so dem kleinen Jungen das Leben retten. In Petersburg lebte er 70 Jahre lang.

„Ich war ein junger Mann von 70 Jahren, als ich nach Deutschland kam. Mein ganzes schöpferisches Leben verbrachte ich in Leningrad. Ich blieb alleine und es tut mir jetzt sehr weh, mich daran zu erinnern.“

In seiner Jugend war Iosif sportlich sehr aktiv, belegte die ersten Plätze im Skifahren und bekam viele weitere Sportauszeichnungen. Mit 15 Jahren entdeckte er sein theatrales Talent:

„Meinen ersten Bühnenauftritt hatte ich mit 15 Jahren in der Schule. Ich las aus Gogols „Tote Seelen“ „Und welcher Russe liebt das schnelle Fahren nicht...?“ Mit großem Pathos sprach ich diese Strophen auf der Bühne. In dem Moment fühlte ich, wie gut ich bei den Frauen ankam. Damals verliebte ich mich oft und immer hoffnungslos. In Wirklichkeit, davon erzählte ich noch keinem, verliebte ich mich mein ganzes Leben lang aufs Neue“.

Jedoch hatte er auch eine wahre Liebe in seinem Leben. Sie hieß Nadenjka, eine Krankenschwester in seinem Regiment. Ihr widmete er eine seiner Erzählungen „Besetzung der Stadt Narnia“, in der er Shakespeare zitierend sanft und herzergreifend über seine unerwiderten Gefühle schreibt. Darüber, dass er sich verpflichtet, eine Todesaufgabe zu erfüllen, um von ihr einmal bemerkt zu werden. Und sie bemerkt... Nadenjka stirbt am nächsten Tag nach ihrem ersten und letzten Kuss.

Ja, der Krieg brachte sehr viele Leiden mit sich. 1942 verlor Iosif seine ganze Familie: Mutter, Vater und seinen innig geliebten Bruder. Und das ist lange nicht alles, was er in den Kriegsjahren erlebt hat.

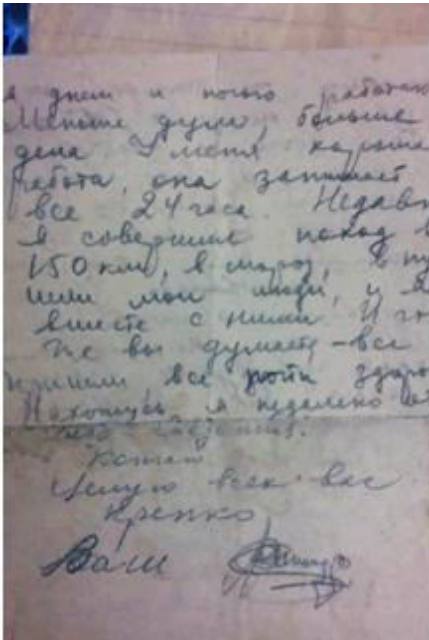
Auf die Frage, wann und wie er vom Kriegsanfang erfahren hat, antwortete er so:

„Wir lebten in Peterhof. Ich erinnere mich sehr gut an diesen Tag. Wir hatten ein einziges Fahrrad in der ganzen Straße. Am Morgen des 22. Juni fuhr ich mit diesem Fahrrad zu einem See, nicht weit von unserem Haus. Als ich ins Wasser sprang, hörte ich Herrn Molotow sagen: Heute, um 4 Uhr nachts wurde unser Land ohne Vorwarnung auf einen Krieg von Deutschen angegriffen... Es wurde mir sofort klar, wir befanden uns im Krieg. In den ersten Tagen wurden in Peterhof 3 Flughäfen zerstört. Und da überkam mich große Angst vor etwas Schrecklichem.“

Das weitere Kriegsgeschehen beschrieb Iosif in einem seiner Video-Tagebücher unter dem Namen „Die Vernichtungsabteilung“. Dieses und weitere Bücher findet man unter:

https://vk.com/id86159295?z=video86159295_147359013%2Fvideos86159295%2Fpl_86159295_-2.

Gänsehaut und pure Verzweiflung bekommt man von diesen Erzählungen aus erster Hand, von der Person, die das Kriegsgeschehen hautnah erlebte.

Nach dem Krieg beendete Iosif ein Wirtschaftsstudium, promovierte und arbeitete sehr lange bei einem geheimen Betrieb. Gott weiß, wie schwer es damals war, diesen Lebensweg zu gehen, als ethnischer Jude in UDSSR.

Auch zweites Mal in seinem Leben durfte Iosif Liebe erfahren, doch auch dieses Mal hatte das Schicksal andere Pläne. In den 80-er Jahren verunglückte sein über alles geliebter Sohn tödlich. Sein Grab befindet sich in Petersburg.

Aus Kummer versuchte seine Ehefrau sich das Leben zu nehmen, befand sich sehr lange in Behandlung und zog nach Amerika. Iosif konnte sie damals nicht begleiten, weil er seine kranke und bettlegerische Mutter lange Jahre gepflegt hatte.

Auch heute, seit 20 Jahren, pflegt er seine 2. Ehefrau, die nach ihrem Schlaganfall im Rollstuhl sitzt.

Es ist erstaunlich, dass Iosif die Lebenslust beibehalten hat. Auch sein Humor ist bewundernswert:

„Man sagt, ich wäre 93! Wer sagt denn so was? Was für eine Überraschung! Ich dachte, ich würde noch mindestens 70 Jahre leben und alles zu Ende bringen, was ich mir vorgenommen hatte“.

Sein einziger Wunsch – nützlich zu sein, dass seine Werke nicht umsonst wären, all die Bücher, die er schreibt, eine Anerkennung bekämen und veröffentlicht werden würden.

(Übersetzung aus dem Russischen ins Deutsche: Yulia Grisakov, Projektkoordinatorin)

Алла Семеновна Веледницкая, в девичестве Гоцкозик, родилась в Молдавии летом 1931г, в замечательной семье. Мама была пианисткой, отец — фотографом. В 1932 году вся семья перебирается в Ленинград, где мама стала давать концерты. Папа работал фотографом в одном из лучших фотосалонов. Через некоторое время в семье родилась еще одна девочка, ее назвали Гретой. Сестры были очень дружны. Вместе учились играть на фортепиано, а потом начали посещать кружок художественной самодеятельности при городском Дворце художественного творчества. Когда началась война мама, продолжала работать аккомпаниатором, а папу забрали на фронт военным фотокорреспондентом. Но вскоре, в начале 1942 года, мама умерла от голода и девочки остались одни. Все родные к тому времени эвакуировались из блокадного Ленинграда.

И как не восхищаться подвигом педагогов Ленинградского дома детского творчества, которые в страшные дни блокады нашли в себе силы и мужество собрать бывших участников кружков детской самодеятельности, определить их в детский дом, кормить, учить, воспитывать, пока родители воевали. Так девочки попали в детский дом № 10. Удостоверение воспитанницы этого детского дома бережно хранила Алла Семеновна все годы своей жизни.

Подвиг огромной нравственной силы был заложен уже тогда, когда под огнем артиллерийских снарядов, шатаясь от голода, в темноте, оглушенные и потрясенные всеми окружающими событиями, дети осажденного Ленинграда учили стихи о Родине, пели и танцевали, занимаясь любимым делом, выступали перед тяжелоранеными бойцами, поднимая их боевой дух, придавая силы к жизни. Немало таких концертов на палубах военных кораблей, в воинских частях, в госпиталях осталось в памяти воспитанников детского дома, расположившегося в стенах Дворца пионеров. Немало пришло солдатских писем-клятв в те грозные годы с фронта в адрес замечательных детей, получивших впоследствии медали «За оборону Ленинграда». В Ленинграде 15000 мальчиков и девочек получили медаль "За оборону Ленинграда". В их числе была и Алла Семеновна.

Alla Veleznizkaja
Aachen

Alla Semenovna Veleznizkaja, geb. Gozkosik, wurde im Sommer 1931 in Moldau geboren. Ihre Mutter war eine Pianistin, ihr Vater – ein Fotograf.

1932 zog die ganze Familie nach Leningrad, wo Allas Mutter anfang, Konzerte zu geben. Ihr Vater arbeitete als Fotograf in einem der besten Fotostudios der Stadt.

Einige Zeit später bekam die Familie noch ein Kind, ein Mädchen namens Greta. Zusammen lernten die Schwestern Piano zu spielen; später besuchten sie gemeinsam einen Kurs des Laienkunstschaffens an einem städtischen Kunstpalast.

Als der Krieg ausbrach, arbeitete Allas Mutter weiterhin als Klavierbegleiterin, ihr Vater wurde als Fotokorrespondent an die Front einberufen. Im Frühjahr 1942 starb Allas Mutter eines grausamen Hungertodes und die Schwestern blieben sich selbst überlassen. Alle Verwandten verließen zu der Zeit die belagerte Stadt. So endete eine glückliche und ungezwungene Kindheit zweier Schwestern.

Man bewundere die Heldentaten der Lehrer der Leningrader Kunstschule, die während der Zeit der Leningrader Blockade Mut und Kraft aufbrachten, die ehemaligen Schüler zu finden, sie in einem Waisenhaus unterzubringen, zu pflegen und zu erziehen, solange sich ihre Eltern im Krieg befanden. So kamen die beiden Schwestern in das städtische Waisenhaus Nr. 10. Die Bescheinigung eines Zöglings des Waisenhauses Nr. 10 bewahrte Alla Semenovna ihr ganzes Leben lang auf.

Die Heldentaten der Kinder aus der belagerten Stadt gingen aus der Zeit derer Hungersohnmachten, der Dunkelheit und Taubheit, der tiefsten Erschütterung über die grausamen Geschehnisse hervor. Kinder taten das, was sie in der Kunstschule gelernt hatten: singen und tanzen. Singen und tanzen vor Schwerverletzten, Erschöpften und Todgeweihten. Auf dem Deck der Kriegsschiffe, in den Dienststellen der Roten Armee, in Lazaretten sangen und tanzten die Waisenkinder.

15000 Jungen und Mädchen wurde Medaille „Für die Verteidigung Leningrads“ verliehen.

Alla Semenovna war eine von diesen 15000 Kindern.

(Übersetzung aus dem Russischen ins Deutsche: Yulia Grisakov, Projektkoordinatorin)

Георгий Кирилин
Вайден

Я родился в городе Могилев-Подольский Винницкой области Украины. В 1941 году в июле немецко-румынские войска захватили внезапно наш город. Лишь незначительная часть населения сумела эвакуироваться. Остальные оставались в городе. В 1941 году населения города составляло примерно 35 тысяч человек. Из них – 10.000 были евреи. Наш город был пограничным и река Днестр разделяла Украину с Молдавией.

В первые дни оккупации моего отца забрали в немецкую комендатуру. До войны он работал электриком на дизельной станции. Всех специалистов, которые обслуживали станцию, собрали вместе для восстановления электроснабжения немецкой и румынской комендатур. Это был приказ, который невозможно было не выполнить в три дня! Цена - жизнь.

В это время в городе начали собирать в колонны всех евреев: женщин, детей и стариков. В одну из колонн попала моя мать Лиза, сестра Геня 3,5 лет, сестра Нелля 3-х месяцев, тетя Дора с дочкой 3 лет, дядя Айзик 18-ти лет. Всех гнали в местечко Печора за 90 км от города, где находился временный концлагерь для евреев. Всего в колонне было около 300 человек. Стояла жара плюс 26 градусов. Без воды и еды люди шли пешком с маленькими детьми на руках. После 15 км пути моя сестра Нелля стала плакать. Сестра Геня и тетя Фрида просили воды. Как рассказывала моя мать, к ней подошел румынский солдат и сказал: "Если не заткнешь рты детям - расстреляю!" Мать и тетя Дора были в отчаянии. Через 3 км пришли в село Озаренцы. Всю колонну загнали в местную церковь. Местному населению разрешили приносить воду и еду. Остановка длилась 4 часа. К вечеру один румынский солдат проявил человечность, подошел к матери и к тете и сказал: „Берите детей и бегите!“ Он указал им направление. С наступлением темноты они бежали и пришли в село Борщивцы, где их приютила украинская семья Кирильчуков. Там они находились сутки, после чего моя мать с двумя детьми решила вернуться в Могилев. Тетя Дора решила остаться. Мы вернулись домой где нас ждал отец.

В городе в срочном порядке создали еврейское гетто. Его оградили колючей проволокой, ввели комендантский час и после 20 часов никто не имел права покидать территорию гетто. Спали

на соломенных мешках. Разрешали искать работу, чтобы выжить. Мой отец по трое суток работал на станции, где он получал сухой паек. Через город ежедневно гнали колонны евреев из Молдавии, Черновиц и других городов в большой концлагерь Печоры. Это был август 1941 года. Мой дядя Айзик, когда узнал, что моя мама сбежала с детьми, тоже решил бежать с другом. При побеге друга убили и его ранили в руку.

Я родился в гетто в 1943 году. Из-за недоедания мамы, которая кормила меня я едва остался жив. В 1944 году город освободили 19 марта. Этот день считаю Днем моего второго Рождения.

Georgij Kirilin
Weiden in der Oberpfalz

Ich wurde in Mogiljow-Podolski im Westen der Ukraine geboren. Im Juli 1941 eroberten die deutsch – rumänischen Truppen unsere Stadt. Nur ein kleiner Teil der Bevölkerung konnte fliehen. Der Rest blieb in der Stadt: von 35000 Einwohner waren 10000 jüdischer Abstammung. Unsere Stadt war eine Grenzstadt und der Fluss Dnestr teilte Ukraine und Moldau. In den ersten Tagen der Belagerung wurde mein Vater in die deutsche Kommandantur vorbestellt. Vor dem Krieg arbeitete er als Elektriker beim Dieselmotorkraftwerk. Alle Fachspezialisten, die beim Kraftwerk tätig waren, wurden für die Wiederherstellung der Elektrizitätsversorgung deutscher und rumänischer Kommandantur eingesetzt. Das war ein Befehl: Nichterfüllung bedeutete Tod.

Zu dieser Zeit wurden alle jüdischen Frauen, Kinder und Alten in Kolonnen in einen jüdischen Wohnbezirk der Stadt Pechora (etwa 90 Kilometer von der Stadt Mogiljow entfernt) geschickt. In eine solche Kolonne kamen meine Mutter Lisa, meine 3,5-jährige Schwester Genja und meine neugeborene Schwester Nellja, Tante Dora mit ihrer 3-jährigen Tochter und mein 18-jähriger Onkel Ajsik. In der Kolonne befanden sich etwa 300 Personen. Es war sehr heiß. Ohne was zu Essen und zu Trinken gingen Menschen mit ihren kleinen Kindern in den Armen zu Fuß. Nach 15 Kilometern fing meine Schwester Nellja an zu weinen. Meine Schwester Genja und meine Tante Frida fragten nach Wasser. Da kam ein rumänischer Soldat zu meiner Mutter und sagte: Wenn Deine Kinder ihren Mund nicht halten, werde ich sie erschießen!

Meine Mutter und meine Tante Dora verzweifelten. Nach 3 Kilometern kamen sie in ein Dorf namens Osarenzy. Die Menschen wurden in einer Kirche untergebracht. Die Dorfbevölkerung durfte sie mit Wasser und Essen versorgen. Gegen Abend erbarmte sich ein rumänischer Soldat, kam zu meiner Mutter und sagte: Nehmt Eure Kinder und lauft! Er zeigte ihnen die Richtung und als es dunkel wurde, liefen sie in das Dorf Borschivzy, wo sie von einer ukrainischen Familie aufgenommen wurden. Einen Tag später beschloss meine Mutter, nach Mogiljow zurück zu kehren. Meine Tante blieb im Dorf. Sie kehrten nach Hause zurück, wo auf sie mein Vater wartete.

Bald wurde in der Stadt ein jüdisches Ghetto eingerichtet. Es wurde mit Maschendraht umzäunt und nach 20:00 Uhr eine Ausgangssperre angeordnet. Geschlafen wurde auf Strohsäcken. Man durfte sich um eine Arbeit bemühen, um zu überleben. Mein Vater arbeitete 3 volle Tage in Folge beim Kraftwerk und bekam etwas Marschverpflegung dafür. Tagtäglich gingen durch die Stadt Kolonnen mit Juden aus Moldau, Tschernovitz und anderen Städten in das große Konzentrationslager in Pechora. Es war August 1941. Als mein Onkel Ajsik erfuhr, dass meine Mutter mit meinen Geschwistern geflohen ist, beschloss er mit seinem Freund auch zu fliehen. Bei der Flucht wurde er angeschossen und sein Freund getötet.

Ich wurde 1943 im Ghetto geboren. Fast wäre ich vor Hunger gestorben, weil meine Mutter keine Milch für mich hatte. Am 19. März 1944 wurde die Stadt befreit. Dieser Tag gilt als mein 2. Geburtstag.

Александра Лабутина
Köln

Лабутина Александра, родилась 10 октября 1937 года на границе Гомельской и Брянских областях, недалеко от города Калинковичи.

...нас стали бомбить рано утром, стоял страшный свист, взрывы, горело все, что могло гореть, на моих глазах взорвался дом соседей, мы слышали как, кричали маленькие дети, зовущие на помощь. Я до сих пор во сне слышу свист бомб и плач детей. Наш дом сгорел, жить было негде, мы остались лишь в том, в чем были.

...я помню как было холодно, стояли лютые морозы, не было ни одежды, ни еды. После оккупации территорий немцами советское руководство приняло решение из выжившего местного населения сформировали партизанский отряд, где я с родителями стала жить.

... нас в партизанском отряде осталось не много детей, многие из детей с которыми начиналась жизнь в отряде умерли от голода, болезней, переохлаждений. Не всегда можно было жечь костры, так как нас все время бомбили с воздуха, устраивали облавы.

...немецкие оккупанты отличались особой жестокостью по отношению к партизанам и тем, кто им помогал. Большинство поселков и деревень были сожжены вместе с жителями.

Жизнь в лесу продолжалась до 1966 года, пока советские войска полностью не освободили Белоруссию от агрессора.

Aleksandra Labudina
Köln

Aleksandra Labudina wurde am 10. Oktober 1937 in Weißrussland geboren.

... sehr früh am Morgen wurden wir bombardiert. Es war sehr laut, Explosionen, Feuer, es brannte alles, was nur hätte brennen können. Vor meinen Augen explodierte das Haus unserer Nachbarn. Man hörte Schreie kleiner Kinder, die nach Hilfe riefen. Noch bis heute höre ich im Schlaf das Pfeifen der Bomben und das Weinen der Kinder. Unser Haus wurde verbrannt, wir hatten keinen Platz mehr zum Wohnen und hatten nichts mehr, als das, was wir an hatten.

...ich erinnere mich, es war sehr kalt und frostig, wir hatten weder Kleidung noch Essen... Nach der Besetzung der Städte durch Deutsche beschloss die Sowjetische Macht aus der noch lebenden Bevölkerung eine Partisanenabteilung zu gründen, in der ich und meine Familie bleiben durften.

...in der Partisanenabteilung blieben nicht viele Kinder, viele verhungerten und starben vor Erkrankungen und Kälte. Man durfte kein Feuer machen, weil wir ständig bombardiert wurden.

...deutsche Besatzer zeichneten sich durch die besondere Grausamkeit aus: viele Dörfer und Städte zusammen mit der ganzen Bevölkerung wurden verbrannt und vernichtet. Das Leben in den Wäldern dauerte bis 1966, bis die Sowjetische Macht das Weißrussland befreit hat.

(Übersetzung aus dem Russischen ins Deutsche: Yulia Grisakov, Projektkoordinatorin)

**Инна Евтушенко
Фулда**

Воспоминания блокадницы Инны Евтушенко

72 года прошло уже со дня полного снятия блокады Ленинграда. Воспоминания мои об этом страшном времени – туманны и отрывочны. К моменту начала блокады мне едва исполнилось 4 года. Кое-что, вероятно, взяла я из рассказов старшего брата и родителей. Но помню, что они не любили вспоминать и говорить об этих годах. Родители всю блокаду провели в осажденном городе. Папа отвечал за автотранспорт для эвакуации жителей на «Большую землю». Но нас, своих детей, - меня и старшего брата Володю, он смог отправить в эвакуацию с детдомом только через год с лишним, после начала блокады, - на излете лета 1942 года. А младшего, Игорёчка, отправили немного раньше. Его спрятали (не знаю, почему) в какой-то бочке и в сопровождении тети, папиной сестры, вывезли из города.

Вспоминается: раннее утро, просыпаюсь от плача-крика маленького братишки. Он плачет и повторяет одно и то же слово: «Хеби, хеби!» (хлеба). Он проснулся от голода, хотя в 6 часов утра, когда отец уходил на работу, ему уже перепал кусочек хлеба.

По радио (знаменитая черная тарелка) – звуки метронома – воздушная тревога, скоро начнется очередная бомбежка. Нацепив на себя все, что можно, с трудом сползаем с четвертого этажа в подвал – бомбоубежище. Малыш на руках у мамы, - если она дома. Когда же ее нет, или просто уже нет сил тащиться вниз по крутой лестнице, закрываемся в ванной комнате, где нет окон и не так слышны и страшны звуки канонады (обстрела, бомбежки). Наша нежная мама (от вида крови она падала в обморок) вынуждена была срочно получить водительские права и работать. Она управляла знаменитой «полуторкой». Была и водителем, и грузчиком. Ездил по городу, собирала и грузила трупы – тела обессиленных от голода и замерзших ленинградцев. Особенно тяжело было блокадной зимой 41-42 года. Смерзшиеся трупы тяжелы, как бревна. Однажды её послали куда-то на окраину города. Дело к вечеру. Мороз далеко за 30 градусов. Мотор заглох. Но ей повезло. Кто-то пожалел её и помог запустить двигатель. Она выжила, но промерзла до костей, заболела и еще долго не могла работать. До войны она была стройная, молодая женщина, но от голода резко изменился обмен веществ, она начала пухнуть.

Известный факт, что в голодном городе съели всех собак, кошек и даже крыс. Позже появились случаи людоедства. На маму напали с этим жутким намерением убить и съесть. И опять провидение было за нее – ее спасли.

Конец лета 42 года. Нас, наконец-то, отправляют в эвакуацию по Ладого, на катере. Обстрел. Осколки попадают в наш катер. Горят все наши жалкие пожитки, их сбрасывают в воду. Потом поезд. Мы едем в вагонах-теплушках. Опять обстрел. Брат сбрасывает меня на насыпь и сам прыгает сверху, прикрывая собой. И так добираемся до места.

Горьковская область, деревня Макасово, детский интернат. Младшую группу, в которую я определена, наконец-то, кормят. Чувствую вдруг дискомфорт. Поднимаю глаза от тарелки. В дверях стоит мой старший братик и совершенно обезумевшими, сумасшедше голодными глазами смотрит в мою тарелку. Со мной истерика – отшвыриваю тарелку и реву. Это в таком-то раннем возрасте – глубоко психологическая реакция и понимание, что твоему близкому человеку очень плохо.

Другой эпизод: иду по спортивному бревну, навстречу девочка: «Пусти!» - «Не пущу!», и так несколько раз. В конце концов она дразнит меня, высунув язык, и с видимым удовольствием сообщает: «А-а-а! Анаша! А твоему брату палец отрубили!» Мальчишки 7-8 лет занимались заготовкой дров – пилили, рубили. Потом мы долго, долго пытались скрыть этот трагический эпизод от мамы. Палец, который в мирное время спокойно пришили бы, тогда просто выбросили. Мальчишки тайком от взрослых пытались развести (посадить) огород. Кормили очень плохо и мало, вот они и пробовали возместить недостающее, а их за это еще и наказывали. Не помню точно, когда мы вернулись обратно в Ленинград. Нас встретила мамочка, которую мы не сразу узнали. «Эта тетя похожа на нашу маму» - сказала я брату. А он в это время репетировал как держать руку, чтобы мама не заметила отсутствие пальчика...

Вернуться домой – это счастье! А когда дома тебе вручают плитку шоколада (американский, по лендлизу), это счастье вдвойне. Важно удержаться, не съесть ее всю разом. После войны каждый день нам детям ставили 3 баночки молока для сквашивания (домашняя простокваша). И каждую ночь, тайком, изголодавшийся старший братик, забирался на высокую полку, куда прятали эти баночки, снимал и съедал верхний слой – сливочки, со всех трех баночек. Его наказывали, но все повторялось из ночи в ночь. Он не мог совладать с собой после долгих лет мучительного голода. Это уже были психологические срывы, т.к. холод, голод и страх были чувствами, которыми мы жили все эти военные годы.

До сих пор с нежной грустью вспоминаю так называемую «дуранду». Она заменяла нам и пирожное и конфеты, а на самом деле это был спрессованный жмых от семечек, чуть-чуть подслащенный (так мне теперь кажется). Кусочек этой «дуранды», если нам перепало, можно было сосать несколько часов, заглушая нестерпимый голод.

Жизнь брала своё. Главное - все самые близкие (родители и братья) выжили. Погибли бабушка с тетей. Их убили в поезде, отобрав кое-какие ценности, которые они взяли с собой в эвакуацию. Дядя не вернулся с фронта, пропал без вести. Теперь я осталась одна из всей большой, шумной семьи.

Inna Evtushenko
Fulda

Belagerung der Stadt Leningrad im 2. Weltkrieg

Seit der Beendigung der Belagerung (Blokade) der Stadt Leningrad sind bereits 72 Jahre vergangen. Meine Erinnerungen an diese so unmenschliche wie grausame Zeit sind schemenhaft und bruchstückhaft.

Zu Beginn der Belagerung bin ich 4 Jahre alt. Einige Episoden habe ich mit Sicherheit aus den Erzählungen meines älteren Bruders und meiner Eltern. Ich erinnere mich jedoch sehr deutlich daran, dass über diese Zeit nicht gern erzählt wurde.

Die Eltern verbrachten die gesamte Belagerung in der eingeschlossenen Stadt. Mein Vater war für den Evakuierungstransport für die Einwohner der Stadt in die unbesetzten Gebiete verantwortlich.

Seine eigenen Kinder, meinen älteren Bruder Volodya und mich, zusammen mit einem Kinderheim konnte er erst im Spätsommer des Jahres 1942, also nach über einem Jahr, evakuieren, der jüngere Bruder Igor wurde um wenig früher aufs Land verbracht. Er wurde aus mir unbekanntem Gründen in einem Fass versteckt und in Begleitung seiner Tante – Vaters Schwester – aus der Stadt gebracht.

Eine Erinnerung: ich wache eines Morgens vom Schrei meines kleinen Bruders auf. Er schreit immer wieder „Chebil!“ (vom Chleb – Brot). Er wachte hungrig auf, obwohl um 6 Uhr morgens als mein Vater das Haus verließ, er ein kleines Stück Brot bereits bekommen hat.

Im Radio (die berühmte Schwarze Schüssel) hört man die Klänge des Metronoms, dies bedeutet es ist ein Luftalarm und es steht ein erneuter Bombenangriff auf die Stadt bevor.

Wir nehmen alles mit, was wir tragen können und gehen mit großer Mühe aus dem 4. Stock in den Luftschutzkeller. Den kleinen Bruder trägt die Mutter auf dem Arm. Wenn sie nicht zu Hause ist oder wir sind völlig entkräftet, um die steile Treppe herunter zu schaffen, bleiben wir einfach in der Wohnung und schließen uns im fensterlosem Badezimmer ein, wo die Kanonenschläge nicht so laut sind.

Unsere zarte Mutter (sie neigte zu Ohnmachtsanfällen) war gezwungen in einer Rekordzeit einen LKW – Führerschein zu machen und zu arbeiten. Sie fuhr im berühmten 1,5-Tonner, war Fahrer und Verladearbeiter zugleich. Sie fuhr durch die Stadt, sammelte die Leichen - die verhungerten und entkräfteten Einwohner der Stadt, die im harten Winter erfroren auf der Straße lagen ein. Besonders

schwer war der Winter 1941-42. Die liegenden Leichen waren zusammengefroren und schwer wie große Holzstämme.

Eines Tages wurde meine Mutter an den Stadtrand geschickt. Es wurde Abend, draußen herrschten über 30° Grad Minus und der Motor des LKW ging aus. Normalerweise wäre das ein Todesurteil, aber meine Mutter hatte Glück, jemand hatte Mitleid mit ihr und half ihr den Motor erneut zu starten. Sie hat überlebt, war jedoch so durchgefroren, dass sie schwer krank wurde und eine sehr lange Zeit nicht arbeiten konnte.

Vor dem Krieg war meine Mutter eine schlanke junge Frau, jedoch durch den ständigen Hunger änderte sich der Stoffwechsel und sie war aufgedunsen.

In Leningrad herrscht ein grauenhafter Hunger, und es ist Fakt, dass in der Stadt alle Hunde, Katzen und selbst Ratten aufgegessen wurden.

Später gab es vereinzelte Fälle des Kannibalismus. Meine Mutter wurde überfallen, in grausiger Absicht sie zu töten und aufzuessen. Und erneuert wurde sie wie durch ein Wunder gerettet.

Es ist Spätsommer 1942, wir werden endlich evakuiert – über Ladogasee auf einem Schiff.

Wir werden beschossen, Splitter fliegen auf unser Schiff, unsere kläglichen Habseligkeiten brennen, wir werfen sie über Bord. Danach steigen wir in einen Güterwagenzug, und wieder Beschuss, wieder Bomben. Mein Bruder stößt mich aus dem Zug neben dem Gleisbett und wirft sich schützend über mich. So kommen wir ganz langsam am Bestimmungsort an – Gorkiy-Gebiet, das Dorf Makasovo, Kinderinternat.

Die jüngste Gruppe, in die ich eingeteilt wurde, bekommt (Gott sei Dank) etwas zu essen.

Dabei empfinde ich ein Unbehagen. Ich blicke von meinem Teller auf und sehe meinen älteren Bruder, der im Türrahmen steht und mit verstört-hungrigen Augen auf meinen Teller blickt. Ich wurde hysterisch, warf meinen Teller vom Tisch und habe schrecklich geweint.

Eine starke psychologische Reaktion selbst in den jüngeren Jahren und die Erkenntnis, dass es deinen nahestehenden und geliebten Menschen schlecht geht.

Eine andere Episode:

Der Sportunterricht, Übung auf einem Balken, ich bewege mich nach vorne, mir entgegen auf dem Balken bewegt sich ein Mädchen und verlangt von mir ich solle sie vorbei lassen. Ich sperre mich und das dauert eine Weile bis die Kleine selbstzufrieden sagt: „Deinem Bruder wurde ein Finger abgehackt“. Die Jungen im Alter von 7-8 Jahren haben sich mit der Bevorratung von Holz beschäftigt – es wurde gesägt und gehackt. Diesen traurigen Umstand haben wir lange versucht vor unserer Mutter zu verheimlichen. Der abgehackte Finger, den man in Friedenszeiten wieder sofort angenäht hätte, hat man einfach weggeworfen.

Die Jungen haben heimlich versucht einen Gemüsegarten anzulegen. Die Ernährung war unzureichend und schlecht und sie versuchten es zu kompensieren, wurden jedoch dafür bestraft.

Wann wir nach Leningrad zurückkehrten, kann ich mich nicht mehr erinnern. Unsere Mutter empfing uns. Wir haben sie nicht gleich erkannt, da ich zu meinem Bruder sagte: „die Tante ähnelt unserer Mama“. Mein Bruder dagegen hat geübt wie man die Hand richtig hält, um den fehlenden Finger zu verstecken.

Wieder zu Hause zu sein ist ein großes Glück. Wenn man aber dabei noch eine Tafel Schokolade (aus Amerika im Rahmen des Lend Lease (Pacht – und Leihgesetz von 1941 in USA, Anm. Übers.) ist das ein doppeltes Glück.

Wichtig ist, sich zu beherrschen und die ganze Tafel nicht auf einmal aufzuessen!

Nach dem Krieg wurden für die Kinder jeden Tag 3 Gläser mit Milch für die Dickmilchherstellung bereitgestellt und jede Nacht kroch mein älterer ausgehungertes Bruder heimlich zu den Hochregalen und schöpfte von allen drei Gläschen die obere Sahneschicht und verspeiste es. Er wurde bestraft, dies wiederholte sich jedoch jede Nacht. Er konnte sich nicht beherrschen nach der langen Hungerzeit. Es hatte psychologische Gründe, da die Gefühle wie Kälte, Hunger und Angst unsere ständigen Begleiter während der gesamten Kriegszeit waren.

Ich denke heute noch mit sanfter Traurigkeit an so genannte „Duranda“. Sie ersetzte uns im Krieg sowohl Kuchen als auch Pralinen. In Wirklichkeit waren es Presslinge (Ölkuchen, Anm. Übers.) aus den Sonnenblumenkernen, leicht gezuckert. Ein kleines Stück von dieser „Duranda“, wenn wir das

glücklicherweise bekommen haben, hat man stundenlang lutschen können, um unerträgliche Hungergefühle zu betäuben.

Das Leben normalisierte sich langsam. Das Wichtigste war, dass die Eltern und Geschwister überlebt haben.

Die Tante und Großmutter wurden im Zug in die Evakuierung umgebracht und ihrer Habseligkeiten bestohlen, die sie mitgenommen haben.

Der Onkel ist im Krieg verschollen.

Aus der einst großen und lauten Familie bin ich die Einzige geblieben.

Am Schulgebäude von unserem Sohn auf dem Nevski-Prospekt erinnert bis heute noch eine Tafel mit der Aufschrift: „Bürger! Während des Artilleriebeschusses ist diese Straßenseite besonders gefährlich!“ an die Kriegstage. Diese Tafel wurde in den 1960 Jahren als Anerkennung des Heldentums der Einwohner der Stadt Leningrad angebracht.

ENGAGEMENT
FÜR OPFER
DES NATIONALSOZIALISMUS-
WIR DÜRFEN NICHT VERGESSEN...

Diese Veröffentlichung stellt keine
Meinungsäußerung der Stiftung EVZ dar.
Für inhaltliche Aussagen trägt
der Autor bzw. tragen die Autoren
die Verantwortung.

Das Projekt wird vom 01.03.2015 bis 01.03.2017
mit Mitteln der Stiftung EVZ
„Erinnerung, Verantwortung und Zukunft“
gefördert

Ein Projekt von

Gefördert durch

